

ПОДТОРЖЬЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Конец мая, и в поле ещё прохладно, дует ветер, то и дело прячется в облака солнце, идут тени и свет.

Ехали, тряслись на тележке часа четыре. Устали, и всё надоело. Но вот наконец открылась в широкой дали картина города, забелела полоса шоссе, бегущего к нему; и веселее шевельнули вожжами, покатали вдоль него рысью, отгоняя прочих едущих на ярмарку. Повеселела и погода, ветер стих, и всё приближающийся город, его монастырь, острог, кресты церквей и стекла домов уже видны ясно, блестят против вечернего солнца.

И воздух стал меняться. Он ещё прохладный, миндальный, полевой, но уже мешается со множеством прочих запахов. За телегами идут привязанные к ним лошади и коровы. На рогах коров тоже блестит низкое солнце, коровы идут медленно, с женственной неловкостью. Молодые кобылки и жеребчики, когда их объезжаешь рысью, красиво и гневно горячатся, шарахаются. И пахнет конским навозом, и коровами, и дёгтем, и сеном, которыми набиты тележные задки, и больше всего - городом и ярмарочным станом, уже раскинувшимся на громадном выгоне перед монастырём. Там, на этом выгоне, белеют балаганы, дымят собранные на скорую руку походные печки, набралось порядочное количество скотины и телег с поднятыми оглоблями, расставленных, однако, ещё довольно просторно...

Через несколько минут тележка, с непривычной для деревенского уха грубостью, вдруг загремела по мостовой. Город!

Остановились, как всегда, на Острожной улице, на той, что напрямик вводит в город между острогом и монастырём.

На большой двор подворья едва въехали - так тесно. Всё заняли цыгане, которые навели целый табун лошадей: и донских, и киргизов, и кровных, породистых, крытых попонами. Посреди двора - огромный фургон с кожаным верхом, весь изукрашенный медными драконами. Рядом разбита по-лосатая палатка. Под её поднятыми полами постлана прямо на земле необъятная постель, - навалено несколько перин, кое-как прикрытых лохмотьями ситцевых одеял, и множество сальных красных подушек. На подушках высоко лежит навзничь, как мёртвый, спит мальчик лет пятнадцати, босой, в коротких порточках, необыкновенной красоты. У ног его густо и пахуче дымит самовар и сидит, пристально смотрит молодая цыганка. На шее сургучные нити кораллов, навешены старые серебряные кресты. Смотрит, курит трубку и сплёвывает.

Зато в горницах ни души. "Да и ночуете одни, всё при лошадях, на дворе", - сказала большая гнутая старуха, мать хозяина. "А это и того лучше, - ответили ей. - Распорядитесь-ка, матушка, насчёт самоварчика да позвольте руки немножко помыть".

К чаю купили калачей, колбасы. Потом сидели, курили на крылечке, разговаривали с подходящими барышниками и цыганами о том, как идёт подторжье, каковы намечаются цены. Барышники твердят:

- Что господь даст! Что господь даст! Он цены строит... Вечером из-за крыш города - золотой свет большой низкой луны. Свет и тени лежат во дворе, который кажется красивым, а от фургона, от палатки даже несколько сказочным. Как тепло, что значит город! И оттого, что по этой прямой и широкой Острожной улице все едут и едут, скрипя телегами, а по выбитому тротуару идут и переговариваются, ночь весела, празднична.

Утром говорливая толпа идёт, валит в другую сторону, - вон из города, по направлению к монастырю. Туда же несутся, ныряя по пыльным ухабам, извозчики.

Ветрено, но солнечно. И всё время праздничный кавардак колоколов, не смолкающий ни на минуту, не дающий говорить и слушать.

Какое многолюдство и как всё растёт оно! Густая толпа теснится возле ворот монастыря, - бородатые, волосатые и загорелые мужики, все чужие, новые для глаза, из дальних, задонских деревень, и великая пестрота нарядных баб и девок, тоже чужих, кажущихся красивее, чем свои. Ворота монастыря, по бокам которых во весь рост написаны два длиннобродых старца в зелёных рясах и чёрных епитрахиях, с развёрнутыми хартиями в руках, широко раскрыты, и из них выезжают купеческие коляски.

Против монастыря - большой жёлтый острог, и из всех решётчатых окон его смотрят, прильнув к